

УДК 821.161.1

ДИХОТОМИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ДЕМОНИЗМА ГОГОЛЯ

© Алексей Шишкин

THE DICHOLOGY OF GOGOL'S RELIGIOSITY AND DEMONISM

Alexey Shishkin

According to the author of the article, Gogol's development in life and work followed the same cycle of formation: from the timid steps of a novice to a master, from gloomy pictures of reality to bright and cheerful expectations of a man in the world of Gornom, the divine.

As an artist, Gogol developed from the terrible phantasmagoric infernal sketches of life expressed in the works "Viy", "Evenings on a Farm near Dikanka", to "The Rules of Life in the World" and "Divine Liturgy" at the end of his life's journey.

The genesis of Gogol's formation, both as a writer and as a person, is well traced through the poem "Dead Souls". The idea of the poem was borrowed from Dante's "The Divine Comedy". By analogy, Gogol presented the "demonic life" in the first volume, in the second volume he intended to depict the "earthly life of man", in the third volume – the transcendent angelic world.

In our opinion, the burned second volume as a symbol of complete "burning out" did not become a tragedy for the writer. His plan for the earthly procession of human sufferings was described in "Selected Places from the Correspondence with Friends" as an aesthetic utopia, and the third spiritual component of the original idea was realized in the interpretation of "Divine Liturgy".

For literary critics-prosecutors, people like N. Gogol, F. Dostoevsky, L. Tolstoy, P. Chaadaev will always look crazy at all times, and literary lawyers will erect monuments to them for posterity.

Keywords: Russian literature of the 19th century, Christ-centrism of Russian literature, axiology, phantasmagoria, demonism, East-West dichotomy.

По убеждениям автора статьи, развитие Гоголя в жизни и творчестве проходило один и тот же цикл становления от робких шагов новичка до мастера, от мрачных картин действительности до светлых и радужных ожиданий человека в мире Горнем, божественном.

Как художник Гоголь развивался от страшных фантазмагорических инфернальных зарисовок быта, выраженных в произведениях «Вий», «Вечера на хуторе близ Диканьки», до «Правил жития в мире» и «Божественной литургии» в конце жизненного пути.

Генезис становления Гоголя и как писателя, и как человека хорошо прослеживается через поэму «Мертвые души». Подобно тому, как «Божественная комедия» Данте делится на три части («Ад», «Чистилище», «Рай»), произведение Гоголя также в первом томе представляет «бесовскую жизнь», во втором томе автор предполагал изобразить «земную жизнь человека», в третьем томе – трансцендентный ангельский мир.

По нашему представлению, сожженный второй том как символ полного «выгорания» не стал трагедией для писателя. Его замысел земного шествия человеческих страданий был описан в «Выбранных местах из переписки с друзьями» как эстетическая утопия, а третья духовная компонента изначального замысла реализовалась в трактовке «Божественной литургии».

Для критиков-прокуроров такие люди, как Н. Гоголь, Ф. Достоевский, Л. Толстой, П. Чаадаев всегда, во все времена будут выглядеть сумасшедшими, а в лице литературоведов-адвокатов будут возводиться памятники в подражание потомству.

Ключевые слова: русская литература XIX века, христоцентризм русской литературы, аксиология, фантазмагория, демонизм, дихотомия «восток – запад».

Актуальность статьи. До сих пор литературоведы спорят о Гоголе с точки зрения «прокуроров» и «адвокатов». Одни обвиняют писателя в демонизме, другие воспевают ангельский «подлинный лик» [Воропаев, 1998, с. 41] праведника. Конечно, в писателе намешано и то и дру-

гое. Но все-таки мы на стороне прославления «светоносности» и «цветения» Гоголя. Митрополит Анастасий Грибановский, осмысляя отторжение интеллигенцией нравственной высоты в «Переписках» Гоголя, замечает: «Мудрое в очах Божьих, действительно, кажется безумием для

мира» [Митрополит Анастасий (Грибановский)], [Мгновения святой тишины, с. 352].

Введение. Ключом и фокусом понимания религиозных картин художника является полная чудес биография. Известно его мистическое рождение в Больших Сорочинцах Миргородского уезда Полтавской Губернии. В традициях агиографической литературы, в тонком сне Василий Афанасьевич (отец писателя) видит Богородицу, благословляющую на венчание с барышней, которую он узнает наяву. Мистика преследует Гоголя всю жизнь как со стороны отца (прадед был священником, дед и отец учились в Киевской Духовной Академии, но не рукополагались), так и со стороны матери (тетка юродивая, племянник самоубийца, мать Мария Ивановна Косярская предчувствовала беду и верила снам).

На религиозное восприятие мира повлияла Нежинская гимназия, в которой Гоголь учился с 1821 по 1828 год. В учебный план входили дисциплины: 1) пространный катехизис, 2) священная и церковная история, 3) толкование Литургии, 4) толкование воскресных и праздничных Евангелий, 5) чтение из Ветхого и Нового Заветов и т. д. Церковь была внутри гимназии. После Литургии и молебна духовенство крестным ходом шествовало в библиотеку, затем в классы с пением «Спаси Господи...» и кропя святой водой. Тем не менее многие оставались атеистами. «Я ходил в церковь потому, что мне приказывали или носили меня; но стоя в ней я ничего не видел, кроме риз, попа и противного ревеня дьячков. Я крестился потому, что видел, что все крестятся» [Гиппиус].

На монашеский, аскетический образ жизни повлияли женщины, вернее их отсутствие. По мнению многих критиков, женские образы хуже давались писателю. Он женщин боялся и считал их пожирателями глубинных сил в человеке. Отсюда рождается образ польской жены, способной воспылать страстью к предателю Андрею в «Тарасе Бульбе». По словам Поприщина из «Записок сумасшедшего», «женщина влюблена в черта. И она выйдет за него замуж». Гоголь делает примерно такой вывод: если видишь inferнальную красоту сирен, затыкай уши и беги от смерти. Вот и бегал от них Николай Васильевич, не вкусив, по его словам, «первого блага на свете» [Н. В. Гоголь и Православие, с.59]. По Гоголю, любовь имеет Божественное происхождение, но в нашей «ужасной жизни», как пишет Гоголь в «Невском проспекте», извращена «адским духом».

Окончательно Гоголь утверждает в религиозно-мистическом настроении во время поездки

в Италию. Отсюда в письмах, по словам Белинского, звучал его высокомерный голос проповедника [Машинский].

На религиозные взгляды писателя повлиял его духовник – протоиерей Матвей Константиновский, который в воспоминаниях современников рисуется строгим аскетом и милостивым старцем, прощающим обидчиков и помогающий страждущим. Священник был единственным, кто прочел второй том «Мертвых душ» и попросил уничтожить.

Мистически Гоголь представился ко Господу. Гоголь, как Лермонтов и Достоевский, чувствовал приближение смерти. По свидетельству доктора А. Т. Тарасенкова, Гоголь в ночь с 8 на 9 февраля 1852 года в видении «видел себя мертвым», «слышал какие-то голоса» и стал считать себя умирающим. Он соборовался, исповедовался и причастился.

В дальнейшем произошло перезахоронение праха Гоголя с кладбища бывшего Даниловского монастыря на Новодевичье кладбище в Москве. При эксгумации Гоголя [ЦГАЛИ] присутствовал профессор В. Лидин, который дал совершенно противоположные показания: то в могиле не оказалось черепа писателя [Лидин, с. 243–246], то череп Гоголя был повернут набок, что автоматически означало захоронение его живым. Об этом свидетельствует бывший студент В. Г. Лидина, а позднее старший научный сотрудник Государственного Литературного музея Ю. В. Алехин [Алехин].

Анализ литературы. С творчеством Гоголя можно познакомиться в исследованиях критиков: Виссариона Белинского, Константина Мочульского, Михаила Дунаева, Игоря Виноградова, Владимира Воропаева и других. Условно их разграничим на «прокуроров» и «адвокатов».

«Прокуроры» Гоголя отождествляли с бесом и человекоубийцей (Василий Розанов), «Тартюфом Васильевичем» (Д. Н. Свербеев), моралистом (В. В. Калаш), меланхоликом и ипохондриком (Д. Н. Овсяннико-Куликовский), вредным консерватором (В. Белинский).

В. Белинский «Выбранные места из переписки с друзьями» называет «гнусными», а О. И. Сенковский считает, что «она издает из себя и свет и тьму». Святитель Игнатий Брянчанинов «о переписках» пишет: «издает из себя и свет и тьму. Религиозные его понятия неопределенны, движутся по направлению сердечного вдохновения, неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного [Свт. Игнатий Брянчанинов].

Но вполне возможно, что ни критики XIX века, ни теперешние мыслители, обвиняющие Гоголя в эклектике: «тут между многими правиль-

ными мыслями много неправильных» (д.ф.н. дьякон Кураев), а также другие критики: А. Д. Синявский, И. М. Андреев, М. Вайскопф) – не могут понять, что Гоголь, по всей видимости, имел в виду «прививку стариной».

Строительство патриархально-консервативной государственности Гоголь предлагает по принципу «домостроя», где помещик будет косить вместе с крестьянами (возможно, Л. Толстой именно от Гоголя перенял подобные мысли).

Чернышевский ввел понятие – «гоголевский период русской литературы». И до сих пор многие считают, что Гоголь стремится пробудить, вызвать сочувствие к социально-угнетенному маленькому человеку, такому как Башмачкин в «Шинели», задавленному классовым деспотизмом.

Сочувствие и сострадание – очень важные качества для христианина, но в социальных зарисовках, переложенных на художественное сочинение, речь идет о загнанности человека в политические тупики, где форма естественного деспотизма не дает разбежаться материи. Разрывая узы этого естественного деспотизма [Леонтьев, с. 88], явление гибнет как predetermined явление.

В данной ситуации следует искать такую кристаллизацию на идеях соборности и братства, чтобы стержень внутренней идеи собирал народ в *первичную простоту, переходящую в «цветущую сложность»* [Там же, с. 89].

Наша версия строится из реакции Гоголя на успех спектакля по пьесе «Ревизор». Об успехе на сцене, единогласном хохоте и многократном вызове автора к зрителям пишут С. Т. Аксаков, И. И. Панаев и П. А. Вяземский.

Гоголю не нужны овации, ему нужны социальные перемены в обществе. Интересно предположение К. Мочульского в книге «Духовный путь Гоголя» о воздействии слова на изменение обустройства России: Гоголь рассчитывал, может быть полусознательно, что «Ревизор» произведет какое-то немедленное и решительное действие! Россия увидит в зеркале комедии свои грехи и вся, как один человек, рухнет на колени, зальется покаянными слезами и мгновенно переродится [Мочульский, с. 43]!

Попробуем усомниться в сказанном. Гоголь написал десятки произведений, где бесы если и не торжествуют, то соблазняют: «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831), «Вий» (1835) и «Записки сумасшедшего» (1835). Некрофилия не знает меры. В его произведениях гибнет Тарас с двумя своими сыновьями в «Тарасе Бульбе», сходит с ума и умирает художник Чертков в

«Портрете», сходит с ума и перерезывает себе горло художник Пискарев в «Невском проспекте», сходит с ума чиновник Поприщин в «Записках сумасшедшего» [Там же, с. 27].

Борис Соколов пишет: «Бес сопровождал Гоголя всю его творческую жизнь. А когда писатель попытался от него избавиться, то уже не смог создать ничего великого» [Соколов, с. 11]. «Гоголь – inferнальный художник. Его образы – ключья людей, а не люди, гримасы людей. Он открыл нестерпимое зло пошлости и это давило его» [Там же, с. 21]. «Переплетение пространства химеры с физическим пространством землетрясения позволяет черту проникать в человеческое естество в качестве невидимого двойника-заместителя» [Иваницкий, с. 127].

Василий Розанов свидетельствует, что «через гений Гоголя у нас появилось гениальное в мерзостях. Раньше мерзость была бесталанна и бессильна. К тому же, ее естественно пороли. Теперь Чичиковы не только обижают людей, но стали учителями общества» [Розанов].

Конечно, молитвенник не станет чертыхаться практически в каждом произведении и воспевать мерзости. Подвижники благочестия не описывают похождения по ночным кабакам, бандитским притонам и домам терпимости. Они просто не знают этой действительности. Но в нашем случае речь может идти о христианизации культуры. Перед верующим человеком всегда стоит вопрос о служении на своем рабочем месте для прославления Бога. Писатель также ставит вопрос: как художественными средствами воспеть целомудрие, девство, послушание и смирение?

Невозможное возможно в системе христианизации культуры. Я сам ставил спектакль «Серебряная метель» в театре юного зрителя «СамАрт» о «Рождестве Христовом». А в Самарском академическом театре драмы им. Горького поставил спектакль «Старый звонарь» об исповедниках земли русской.

После тезиса и антитезиса представим синтез. По Гоголю, практически любое искусство, включая театр, живопись, музыку, обязаны служить духовным целям: «Нет такого орудия в мире, которое не было бы предназначено на службу Бога» [Гоголь, 1952, с. 277].

Заметим, что Гоголь, упоминая беса, не воспеваает его, а обличает: «Уже с давних пор я только и хлопочу, чтобы после моего сочинения человек вволю посмеялся над чертом» [17, с.11]. Картины Гоголя возводят бытовые сцены до трансцендентного уровня: «Необходимо говорить живыми образами, а не рассуждениями. Я должен выставить жизнь лицом, а не трактовать о жизни» [Цветник духовный, с. 110].

Скорее всего, причиной частого чертыхания в произведениях Гоголя является неверие людей в существование демонического мира. Секулярное (не религиозное) сознание связано с исторической цикличностью удаления от времени «богов» к «героям», и далее – к «людям» (Дж. Вико).

Каждый новый рывок подъема национально-го развития, и во времена Гоголя в том числе, сменяется перезагрузкой в виде «вторичного смесительного упрощения», ведущего либо к угасанию, одряхлению и смерти [Леонтьев, с. 96] (обскурация по Л. Гумилеву), либо к регенерации. Социальное явление регенерации, между прочим, содержится не в капиталах, а в немощи: «Если внешний наш человек тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 5:16).

К «адвокатам» Гоголя можно отнести В. В. Капниста, который первым разглядел творческий дар пятилетнего Николая и сказал, что «из него будет большой талант». «Учителем жизни» и «глашатаем Святой Руси» Гоголя называет историк Николай Тальберг, «непризнанным пророком» – доктор медицины, эмигрант Федор Вербицкий, «богатырем русского слова» – святитель Серафим Чичагов, «святым» и «мучеником» – Сергей Аксаков [Аксаков, с. 222], «фигурой», которая нас всех объединяет, объявляет Владимир Воропаев [Воропаев, 2009].

Много доброго о Гоголе сказал священник и философ Василий Зеньковский: «Гоголь – первый у нас пророк возврата к целостной религиозной православной культуре. Религиозное странничество Гоголя не обошлось без блужданий и падений, но он первым повернул русскую литературу от эстетики к религии» [Зеньковский, с. 55].

Как в литературоведении, так и в истории у Гоголя имеются «прокуроры» и «адвокаты». Как известно, Гоголь потерпел фиаско в качестве «адъюнкт-профессора по всеобщей истории» [Фомин, с. 208], скорее всего потому, что «мы призваны в мир на битву, а не на праздник, – праздновать победу мы будем на том свете» [Гоголь, 1994, т. 3, с. 285]. Гоголь хотел «собрать в одно все народы мира, разрозненные временем, случаем, горами, морями, и соединить их в одно стройное целое; из них составить одну величественную полную поэму» [Неизданный Гоголь, с. 88]. Печально, что идея всечеловечности и всемирности отторгается как во времена Гоголя, так и сегодняшним временем.

Многоплановость художественных произведений. Определим характерную особенность в полифункциональном подходе Гоголя к осмыслению художественного творчества. Во всей многомерности его рассказов обязательно при-

сутствует религиозный слой. Заострим внимание именно на мистических скрепах как самого бытия человека, так и на его отражении в литературном творчестве. Разговор с Богом слышится не столько в молитвах (это внешний фон), сколько в смиренном сострадании за поруганное состояние души человека. Гоголь как бы всегда спрашивает у Универсума: как поступать, чтобы страна жила нравственно?

В комедии «Ревизор» на первом плане представлен конкретный ревизор, которого боятся проворовавшиеся чиновники.

На втором плане речь идет о бесстрашном метафорическом Ревизоре-Судье, который ждет нас у дверей гроба и на Страшном суде. Для Гоголя город как собирательный образ – душа, ревизор – совесть, чиновники – бесчинствующие страсти, Хлестаков – «продажная, обманчивая совесть» [Паламарчук].

Задумка поэмы «Мертвые души» была заимствована у Данте из «Божественной комедии», чтобы представить в трех частях: «Ад», «Чистилище» и «Рай» [Смирнова].

Первый план сюжета поэмы «Мертвые души» связан с авантюрой Чичикова, покупавшего умерших крестьян, формально, по ревизской сказке, числящихся как бы живыми.

Второй духовный смысл раскрыт самим Гоголем: «Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк, пролезай иначе, есть тать и разбойник» [Письма Н. В. Гоголя, с. 424]. В сотериологическом осмыслении произведений предлагается раскрыть апостасийные суждения действий гоголевских героев. У автора поэма должна была закончиться «первым вздохом Чичикова для истинной прочной жизни» [Гоголь, 1988, с. 20].

К сожалению, в целеполаганиях Гоголя, «перекройка» чичиковых носит иллюзорный и утопический характер. Рай не может быть предметом земного искусства. Рай – «компетенция небесной канцелярии».

Первая сюжетная линия в «Тарасе Бульбе» представляет тему межнациональных интересов с поляками. Укрепление границ. Защита своих семей.

Второй план представляет конфликт между способом жизни западных католиков и восточных православных людей. Национальные интересы каждой стороны связаны со способом религиозного мышления: «Запорожцы – русские, и потому русские, что православные».

Третий план заложен в канве онтологического осмысления жизни. Герои при выборе личного и сверхличного точку отсчета полагают не в са-

мом себе, кроме отрицательного персонажа Андрия (младшего сына Тараса Бульбы). Лейтмотивом повести являются слова из Евангелия «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Опираясь на эту евангельскую мудрость, писатель символически пророчит утешение душе погибшего за веру воина:

Повел Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут лучше, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам; хорошо будет ему там. «Садись, Кукубенко, одесную Меня! – скажет Христос. – Ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и оберегал Мою Церковь» [Гоголь, 1994, т. 2, с. 295–296].

Четвертый план в повести раскрывает связь семьи с национальным, патриархальным и религиозным самосознанием. Тарас после жалости к сыну со стороны матери говорит Андрию:

Не слушай, сынку, матери, она баба, она ничего не знает... А видите вот эту саблю? Вот ваша мать!

И в другом эпизоде, во время осады польского города ночью перед боем с «ляхами» отец видит Андрия с женщиной и упреждает:

С тобою баба! Ей, отдеру тебя, вставши, на все бока! Не доведут тебя бабы к добру! <...> [Гоголь, 1999, с. 82].

По Гоголю, женщина может быть только благоверной венчанной женой, а плутание с «бабами» заводит в тупики расхристанности.

Свобода Андрия от родины (товарищества) и родни оказалась безблагодатным своеволием. Предательство Отечества (нации) оборачивается предательством веры и семьи. Отравой и сектантством Андрию, как и современным потребителям, служат такие понятия, как толерантность и плюрализм. Дробность целого, в погоне за женской утехой, рушат семью, товарищество и государство (бой проигран).

Пятый план в романе «Тарас Бульба» можно символически представить в виде борьбы добра и зла, Бога и сатаны, правды и кривды. Гоголь натиску мира, где царит «злой дух», противопоставляет истинную веру русского народа и тем самым показывает силу, «удерживающую мир от зла» (2 Фес. 2:7).

При первом прочтении повести «Старосветские помещики» раскрывается обывательский,

бессодержательный образ жизни двух никчемных стариков.

Второй план отражает мир иноческий, небесный, горный, братский, монашеский. Здесь мы обнаружим прославление деревни, а не шумного города. Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна живут душа в душу, которые и после смерти желают лежать вблизи друг с другом.

В первом плане повести «Портрет» можно рассматривать заблудившегося главного героя художника Черткова, ищущего смысл жизни в монастырском укладе.

Во втором плане раскрывается природа искусства как искусства сатаной и искусства на прохождение инициации в послушании и смиренномудрии перед духовным наставником.

Не всякое явление культуры может быть полезным человечеству. Оказывается, искусство может творить бесовщину. Гоголь создал это прежде всего на художественном уровне. «Экая сила! – размышляет мастер живописец в повести «Портрет» (1835–1842), работая над изображением ростовщика, с которого он решает списать облик дьявола для церковной росписи. – Если я хотя вполтину изображу его так, как он есть теперь, он убьет всех моих святых и ангелов; они у меня поблднеют перед ним. Какая дьявольская сила!» [Гоголь, 1994, т. 3, с. 101].

Показательна история написания повести. В первой редакции 1835 года автор еще увлекается религиозно-мистической тайной: в портрете ростовщика оказывается воплощенной душа антихриста – в прямом фантастически-реальном смысле.

В третьем плане монастырь можно рассматривать как метод укрепления человека перед схваткой с главным соперником. Автор портрета ростовщика для подавления в себе страстей решается на аскетические подвиги в пустыни, где стоял от восхода до заката солнечного на одном и том же месте с поднятыми к небу руками (видимо, образцом здесь выступает Серафим Саровский), читая беспрерывно молитвы... Таким образом долго, в продолжении нескольких лет, изнурял он свое тело, подкрепляя его в то же время живительной силой молитвы. Наконец в один день пришел он в обитель и сказал твердо настоятелю: «Теперь я готов. Если Богу угодно, я совершу свой труд» [Там же, с. 105–106].

Творчество художника до тех пор бесполезно, пока не коснется Горнего неба, а до того – находится в алогосном бреде. Прозрение касается только культурно-исторического человека, который способен свой труд освятить духовно-нравственными смыслами.

Четвертый план сюжета в «Портрете» может быть связан с автобиографией самого писателя. Он ведь тоже «напахал дюжину чертовщины».

Поэтому неслучайно и у самого Гоголя, особенно в последний период жизни, была мысль об уходе в монастырь, только старец Макарий из Оптиной пустыни не благословил его на данный подвиг, иначе пришлось бы оставить писательский труд.

Пессимист в плане космическом, Гоголь неожиданно превращается в оптимиста в плане психологическом. В душе человека зло не имеет сущности: оно случайно, эмпирично, а потому вполне преодолимо. Работа проповедника сводится не к уничтожению зла, а к исправлению испорченного, искаженного добра в душе грешника.

Практическая сторона исследования. Студентам Медицинского университета был задан вопрос: «Кто для Вас Гоголь»? И были предложены варианты ответов. Их популярность выстроилась в следующей последовательности. На первом месте «религиозный мыслитель»; на втором – писатель-мистик; на третьем – писатель-сатирик; на четвертом – нечто другое.

На вопрос: «В каком аспекте вы рассматриваете творчество Гоголя?» – рейтинг выглядел в следующем порядке: 1) политически-сатирическим; 2) фантастическом; 3) душеспасительном (сотериологическом).

Второй вопрос, предложенный студентам: «Чему учат Вас сакральные смыслы произведений Гоголя?» – студенты ответили: 1) «времена не изменились. Хлестаковы продолжают соблазнять, а городничие обворовывать»; 2) «и в современной России нас преследуют «держиморды» и «кувшинные рыла»; 3) «хорошо бы найти механизмы для смирения торжества чичиковых, собакевичей и плюшкиных». От одного человека поступило предложение: «разработать и осуществить целевую комплексную программу распространения и популяризации русской культуры, ее духовно-нравственных ценностей в молодежной среде».

Из ответов студентов можно заключить, что в целом думающие молодые люди, во-первых, читают оригиналы произведений, во-вторых, способны к анализу сложных литературоведческих текстов, в-третьих, ориентируются в социально-политических вопросах.

Заключение. Представленное исследование творчества Гоголя в лице его «адвокатов» и «прокуроров» показывает раздвоенность общества относительно духовно-нравственных ценностей. Данное явление в области литературы стало фактом разных интересов общества, выра-

жившимся в виде Гражданской войны в 1918–1920 гг.

Обвинения писателя в демонизме оказались неверными. Напротив, Гоголь, можно сказать, отказался от дара творчества, лишь бы быть в «церковной ограде». Именно поэтому возникает труд осмысления «Божественной литургии» в конце творческого и жизненного пути¹.

Неудачные женские образы объясняются отсутствием опыта семейной жизни. Эклектика в произведениях, особенно духовно-нравственного содержания, отчасти признавалась и самим писателем в откликах на критические замечания архиереев.

Многоплановость произведений Гоголя показывает продуманность сюжета всех уровней художественного целого. Все стержневые пласты концентрируются в поле изменения и преобразования действительности.

Религиозный дар Гоголя помог сконцентрироваться на социальных проблемах России. Автор мучился неудачей, искал верный диагноз болезни страны. Но ни «Ревизор», ни «Мертвые души» не пробудили Россию от мертвого сна.

В контексте нашей исследовательской работы «Дихотомия Восток – Запад» отметим Гоголя как сторонника Востока. Писатель отчетливо понимал страшный вред от иноземных правителей и возмущался до глубины души: «Россия несчастна от наглой неправды; закружился в ней вихрь запутанностей ... как вороны налетели со всех сторон клевать еще живое наше тело и в мутной воде ловить свою презренную выгоду» [Гоголь, 1952, с. 361].

Однако если в XIX веке слово еще представляло собой энергетическую силу, то в современную эпоху мощь речи обмякла и, потеряв перво-смыслы, превратилась в ризомы. По литературоведческим первоисточникам можно восстановить «духовную атмосферу Москвы, где еще умели любить и прощать: собирали средства для бедных, брали на воспитание чужих девиц, прощали зло государственным преступникам...» [Споров, с. 10].

Для восстановления традиционных отношений сегодня помышлять о всепреображающем слове нелепо. Изменить системный кризис может только какое-то движение или событие, грандиозное по масштабам воздействия.

¹ Архив ЛОИИ, № 271/212 г. Опубликовано в извлечениях Б. Бессоновым (см. подр.: [Бессонов, с. 198]).

Список литературы

- Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М.: Академия наук, 1960. 302.
- Алехин Ю. В. Осквернители праха // Русский дом. 2000. № 4. С. 11.
- Архиепископ Иоанн (Шаховской), Архиепископ Сергей (Королев), Митрополит Антоний Сурожский, Митрополит Анастасий (Грибановский). Мгновения святой тишины. М.: Издательство Православного братства святого апостола Иоанна Богослова, 2011. 352 с.
- Бессонов Б. Новые автографы русских писателей // Русская литература. 1965. № 3. С. 193–208.
- Воропаев В. А. Гоголь нас всех объединяет // Церковный вестник. № 19 (416), октябрь 2009.
- Воропаев В. «Мы все работаем у одного Хозяина»: Н. В. Гоголь в Московской Духовной Академии // Встреча. 1998. № 2 (8). С. 40–43.
- Гиппиус В. Гоголь. М.: Федерация, 1931. 496 с.
- Гоголь Н. Избранное. М.: Сретенский монастырь, 1999. 480 с.
- Гоголь Н. В. Духовная проза. М.: Русская книга, 1992. 592 с.
- Гоголь Н. В. Мертвые души. М.: Издательство «Советская Россия», 1988. 432 с.
- Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 8. М.: изд-во Академии наук СССР, 1952. 816 с.
- Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994.
- Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. Париж, 1926. 290 с.
- Иваницкий А. И. «Гоголь: морфология земли и власти. К вопросу о культурно-исторических основах подсознательного». М., 2000. 186 с.
- Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Леонтьев К. Н. Поздняя осень России. М.: Аграф, 2000. 336 с.
- Лидин В. Г. Перенесение праха Н. В. Гоголя // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. Т. 1. 463 с.
- Машинский С. «Гоголь в оценке русской критики» // Н. В. Гоголь в русской критике и воспоминаниях современников. М.: Детгиз, 1959. 129 с.
- Митрополит Анастасий (Грибановский). Лаборатория духа. М.: Издательство: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2009. 58 с.;
- Мочульский К. Духовный путь Гоголя. Париж: УМСА-Press, 1934. 146 с.
- Н. В. Гоголь и Православие. Отчий дом. М., 2004. 526 с.
- Неизданный Гоголь / изд. подг. И. А. Виноградов. М., 2001. 600 с.
- Паламарчук П. Г. «Ключ» к Гоголю. Сборник. СПб.: Астрель-СПб, 2009. 320 с
- Письма Н. В. Гоголя, изд. В. И. Шенроком. СПб., 1901. Т. 4. 539 с.
- Розанов В. В. Последние листья (23.01.1916). Составление и комментарии А. Н. Николокина. М.: Респубблика, 2000. 382 с.

- Свт. Игнатий Брянчанинов. Письма к разным лицам. Том 6. М.: «Паломникъ», 2004. Письмо 52
- Смирнова Е. А. Поэма Гоголя «Мертвые души». Ответственный редактор С. Г. Бочаров. Ленинград: Издательство «Наука», 1987. 197 с.
- Соколов Б. Расшифрованный Гоголь. М. Эксмо. Яуза. 2007. 350 с.
- Споров Б. Ближе к родине небесной // Московский журнал. История государства Российского. 2002. № 7. С. 43–49.
- Фомин А. Г. Новое о Гоголе // Исторический вестник. 1910. Апрель (т. СХХ). С. 169.
- Цветник духовный. М., 1903. 206 с.
- ЦГАЛИ. Фонд 139. Оп. 1, ед. хр. 61.

References

- Aksakov, S. T. (1960). *Istoriia moego znakomstva s Gogolem* [The Story of My Acquaintance with Gogol]. 302 p. Moscow, Akademiia nauk. (In Russian)
- Alekhin, Iu. V. (2000). *Oskverniteli prakha* [Defilers of Tombs]. *Russkii dom*. No. 4, p. 11. (In Russian)
- Archiepiskop Ioann (Shakhovskoi), Archiepiskop Sergii (Korolev), Mitropolit Antonii Surozhskii, Mitropolit Anastasii (Gribanovskii) (2011) [Archbishop John (Shakhovskoy), Archbishop Sergius (Korolev), Metropolitan Anthony of Surozh, Metropolitan Anastassy (Gribanovsky)]. *Mgnoveniia sviatoi tishiny*. 352 p. Moscow, izdatel'stvo Pravoslavnogo bratstva sviatogo apostola Ioanna Bogoslova. (In Russian)
- Bessonov, B. (1965). *Novye avtografy russkikh pisatelei* [New Autographs of Russian Writers]. *Russkaia literatura*. No. 3, pp. 193–208. (In Russian)
- Fomin, A. G. (1910). *Novoe o Gogole* [New Information about Gogol]. *Istoricheskii vestnik*. *April'* (t. CXX), p. 169. (In Russian)
- Gippius, V. (1931). *Gogol'* [Gogol]. 496 p. Moscow, Federatsiia. (In Russian)
- Gogol', N. (1999). *Izbrannoe* [Selected Works]. 480 p. Moscow, Sretenskii monastyr'. (In Russian)
- Gogol', N. V. (1992). *Dukhovnaia proza* [Spiritual Prose]. 592 p. Moscow, Russkaia kniga. (In Russian)
- Gogol', N. V. (1988). *Mertvye dushi* [Dead Souls]. 432 p. Moscow, Izdatel'stvo "Sovetskaia Rossiia". (In Russian)
- Gogol', N. V. (1952). *Polnoe sobranie sochinenii: V 14 t.* [Complete Collection of Works: In 14 Vol.] T. 8. 816 p. Moscow, izd-vo Akademii nauk SSSR. (In Russian)
- Gogol', N. V. (1994). *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collection of Works: In 9 Vol.]. *Sost., podgot. tekstov i komment.* V. A. Voropaeva, I. A. Vinogradova. Moscow, Russkaia kniga. (In Russian)
- Ivanitskii, A. I. (2000). "Gogol': morfologiia zemli i vlasti. K voprosu o kul'turno-istoricheskikh osnovakh podsoznatel'nogo" ["Gogol: The Morphology of Land and Power. On the Issue of Cultural and Historical Foundations of the Subconscious"]. 186 p. Moscow. (In Russian)
- Leont'ev, K. N. (2000). *Vizantizm i slavianstvo. Leont'ev K. N. Pozdniaia osen' Rossii* [Byzantinism and

Slavism. Leontiev K. N. Late Autumn of Russia.]. 336 p. Moscow, Agraf. (In Russian)

Lidin, V. G. (1994). *Perenesenie prakha N. V. Gogolia* [Transfer of Gogol's Remains]. Rossiiskii Arkhiv: Istoriiia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. Al'manakh. T. 1, 463 p. Moscow, Studiiia TRITE, Ros. Arkhiv. (In Russian)

Mashinskii, S. (1959). "Gogol' v otsenke russkoi kritiki" ["Gogol in the Evaluation of Russian Criticism"]. N. V. Gogol' v russkoi kritike i vospominaniakh sovremennikov. 129 p. Moscow, Detgiz. (In Russian)

Mitropolit Anastasii (Gribanovskii) (2009) [Metropolitan Anastasy (Gribanovsky)]. Laboratoriiia dukha. 58 p. Moscow, izdatel'stvo Pravoslavnoe bratstvo sviatogo apostola Ioanna Bogoslova. (In Russian)

Mochul'skii, K. (1934). *Dukhovnyi put' Gogolia* [Gogol's Spiritual Path]. 146 p. Parizh, YMCA-Press. (In Russian)

N. V. Gogol' i Pravoslavie (2004) [Nikolay Gogol and Orthodoxy]. Otchii dom. 526 p. Moscow. (In Russian)

Neizdannii Gogol' (2001) [Unexpected Gogol]. Izd. podg. I. A. Vinogradov. 600 p. Moscow. (In Russian)

Palamarchuk, P. G. (2009). "Kliuch" k Gogoliu ["The Key" to Gogol]. Sbornik. 320 p. St. Petersburg, Astrel'-SPb. (In Russian)

Pis'ma, N. V. Gogolia (1901) [Nikolay Gogol's Letters]. Izd. V. I. Shenrokom. SPb., T. 4. 539 s. (In Russian)

Rozanov, V. V. (2000). *Poslednie list'ia* [Last Leaves] (23.01.1916). Sostavlenie i kommentarii A. N. Nikoliukina. 382 p. Moscow, Respublika. (In Russian)

Smirnova, E. A. (1987). *Poema Gogolia "Mertvye dushi"* [Gogol's Poem "Dead Souls"]. Otvetstvennyi redaktor S. G. Bocharov. 197 p. Leningrad, izdatel'stvo "Nauka". (In Russian)

Sokolov, B. (2007). *Rasshifrovannii Gogol'* [Decoded Gogol]. 350 p. Moscow, Eksmo. Iauza. (In Russian)

Sporov, B. (2002). *Blizhe k rodine nebesnoi* [Closer to the Homeland of Heaven]. Moskovskii zhurnal. Istoriiia gosudarstva Rossiiskogo. No. 7, pp. 43–49. (In Russian)

Svt. Ignatii Brianchaninov. *Pis'ma k raznym litsam* (2004) [St. Ignatius Bryanchaninov. Letters to Different Persons]. Tom 6. Moscow, "Palomnik", Pis'mo 52 (In Russian)

TsGALI [Russian State Archive of Literature and Art]. Fond 139. Op. 1, ed. khr. 61. (In Russian)

Tsvetnik dukhovnyi (1903) [Spiritual Flower Garden]. 206 p. Moscow. (In Russian)

Voropaev, V. (1998). "My vse rabotaem u odnogo Khoziaina": N. V. Gogol' v Moskovskoi Dukhovnoi Akademii ["We All Work for One Master": N. V. Gogol in the Moscow Theological Academy]. Vstrecha. No. 2 (8), pp. 40–43. (In Russian)

Voropaev, V. A. (2009). *Gogol' nas vsekh ob"ediniaet* [Gogol Makes Us Kin]. Tserkovnyi vestnik. No. 19 (416), oktiabr' 2009. (In Russian)

Zen'kovskii, V. V. (1926). *Russkie mysliteli i Evropa* [Russian Thinkers and Europe]. 290 p. Parizh. (In Russian)

The article was submitted on 24.10.2018

Поступила в редакцию 24.10.2018

Шишкин Алексей Ефимович,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Самарский медицинский университет
«Реавиз»,
443099, Россия, Самара,
Чапаевская, 227.
ladomir12345@rambler.ru

Shishkin Alexey Efimovich,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Samara Medical University "Reaviz",
227 Chapaevskaya Str.,
Samara, 443099, Russian Federation.
ladomir12345@rambler.ru